

Марина
СЕРОВА

Восточная прогулка

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Восточная прогулка

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Восточная прогулка / М. С. Серова — «Эксмо»,
2026 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-248228-1

Женя Охотникова получает новое задание: сохранить жизнь молодого журналиста, раскрывшего темные дела могущественного картеля. Артем опубликовал разгромную статью, но не подозревал, во что ввязался, и оказывается совершенно не готов встретиться со смертью лицом к лицу. У него нет шансов выжить в одиночку, без опытного телохранителя. Женя всегда готова к схватке. Она знает, как спасти клиента от летящей пули, как залечь на дно. А вот найти того, кто ведет убийцу по следу Артема, оказывается задачей со звездочкой... Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248228-1

© Серова М. С., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марина Серова Восточная прогулка

Серия «Русский бестселлер»

© Серова М.С., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Здание «Вестника прогресса» пахло новыми деньгами и старой пылью, что для московской редакции было удивительно точным диагнозом. В кабинете главного редактора Аркадия Львовича веяло иначе – дорогим табаком, кожей старых переплетов и тем особым видом усталости, который накапливается за тридцать лет в журналистике.

Артем Ветров сидел в глубоком кожаном кресле, которое пыталось проглотить его целиком, и чувствовал себя идиотом. Не потому, что боялся, – хотя страх был, холодный и липкий, где-то под ложечкой. А потому, что он сидел здесь, в этом кабинете с видом на Садовое кольцо, и держал в руках распечатанную верстку своей статьи, от которой тянуло свежей типографской краской и грядущими неприятностями.

– Ну что, Артем, сдаем материал? – Аркадий Львович снял очки, протер их носовым платком, который был неестественно белым для мужчины его лет и привычек. Его лицо, испещренное морщинами, напоминало старую карту, где каждая складка означала либо скандал, либо провал, либо, в редких случаях, победу.

– Сдаем. – Ветров протянул папку через стол. Его пальцы оставили влажные отпечатки на глянцевом картоне.

Главред не спеша открыл папку, пробежался глазами по заголовку: «Бетон и тени: как строительный картель „Кавказстрой“ осваивает бюджетные миллиарды». Просмотрел подзаголовки, выдержки из документов, фотографии строек-долгостроев на фоне горных пейзажей. Он читал молча, и только его губы иногда шевелились, беззвучно произнося какие-то слова. Возможно, ругательства.

Артем в это время изучал кабинет. Книжные шкафы до потолка, забитые под завязку. На столе – старинная лампа с зеленым абажуром, которой наверняка пользовался еще предыдущий главред. На стене – несколько дипломов и фотография молодого Аркадия Львовича с Горбачевым, уже пожелтевшая от времени. Никаких стеклянных стен, никаких уродливых хрустальных ваз. Здесь была не показная роскошь, а настоящая, выстраданная власть. Та, что не нуждается в доказательствах.

– Хорошая работа, – наконец произнес главред, закрывая папку. Он не сказал «блестящая» или «разгромная». Просто «хорошая». И от этого было еще тревожнее. – Документация железная. Свидетельства... живые. Слишком живые, пожалуй. Этот твой информант, про-раб...

– Сидоров, – автоматически подсказал Артем.

– Да, Сидоров. Он еще жив?

Вопрос прозвучал так буднично, что у Артема перехватило дыхание.

– На прошлой неделе у него случился инфаркт. Чудом откачали. Теперь лежит в областной, под охраной родственников, которые внезапно о нем вспомнили.

Аркадий Львович кивнул, как будто услышал прогноз погоды – завтра, мол, дождь.

– У тебя самого что? – Он прищурился, изучая Артема. – Спать не можешь? В зеркало с опаской смотришь? Постоянно кажется, что за тобой следят?

Артем хотел было отшутиться, сказать что-нибудь про «профессиональные издержки», но слова застряли в горле. Вместо этого он просто кивнул.

– Да. С неделю как. Особенно после того, как в машине кто-то стекло разбил. Охранник сказал – хулиганы. Но ничего не украли. Просто разбили.

– Предупреждение, – констатировал главред. Он откатил кресло от стола, подъехал к небольшому сейфу, встроенному в книжный шкаф. Покрутил замок, достал оттуда бутылку коньяка и два грубых граненых стакана. – Не для слабонервных, Артем. Эти люди... они не

привыкли, чтобы их трогали. Они там, на местах, давно себе хозяева. А ты приехал, покопался в их грязном белье и теперь вывешиваешь его на всеобщее обозрение.

Он налил на два пальца темно-янтарной жидкости и протянул один стакан Артему.

– Выпей. Не для храбрости. Для суставов, чтоб не тряслись.

Артем взял стакан, пальцы действительно предательски дрожали. Коньяк обжег горло, но внутри растеклось теплое, тяжелое спокойствие.

– Я знал, на что иду, – сказал он, и голос его прозвучал чуть увереннее.

– Знать и чувствовать – разные вещи, – отхлебнул главред. – Ты же не дурак, должен понимать. Статья выйдет – будет шум. Местные власти будут негодовать, обещать суды. Картель будет шипеть, как раненый зверь. А потом... потом наступит тишина. Самая опасная фаза. Когда все решат, что буря миновала. Вот тогда они и будут бить.

Он поставил стакан на стол, посмотрел на Артема уже не как начальник на подчиненного, а как старый волк на молодого.

– Ты собираешься ехать туда? На место, для продолжения цикла?

– Да. Материал по контрабандным схемам еще сырой. Нужно быть на месте, добрать свидетельства.

– Глупость, – отрезал главред. Но не зло, а с какой-то грустной неизбежностью. – Но, видимо, необходимая. Значит, слушай меня сейчас внимательно, по-человечески, а не как шефа. У тебя есть деньги? Не гонорары, а свои, неприкосновенные?

Артем кивнул смущенно.

– Ну, вот и прекрасно. Как только материал уйдет в печать, – а уйдет он завтра, я уже дал команду, – ты берешь эти деньги и нанимаешь себе хорошего телохранителя. Не охранное агентство из тех, что выставляют у дверей бугая в дешевом костюме. А именно телохранителя. Профессионала, который знает, что делать, если по тебе начнут стрелять. И который понимает, что лучшая защита – это не прикрыть тебя своим телом, а заранее найти того, кто хочет нажать на курок, и... уговорить его этого не делать.

– Вы говорите, как будто это само собой разумеется, – пробормотал Артем. – Найти такого...

– Я не говорю – найди. Я говорю – найми. Есть контакты. Люди, которые этим занимаются. Дорого. Очень дорого. Но твоя жизнь, насколько я понимаю, пока дороже. Дай мне знать, когда будешь готов. Я передам тебя нужному человеку.

– Спасибо, Аркадий Львович.

– Не благодари. Мне еще твои будущие материалы нужны. – Главред махнул рукой, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на отеческую заботу. – А теперь иди. И постарайся не получить по голове до завтра. Материал должен выйти целиком, а не в виде некролога.

Артем вышел из кабинета. В коридоре было прохладно и тихо. Где-то стучала клавиатура, кто-то спорил о формулировке. Обычная редакционная жизнь.

Он прошел к своему рабочему месту, опустился в кресло. На экране компьютера застыла последняя версия статьи. Он ткнул кнопку «отправить в печать». Система спросила подтверждения. Он подтвердил.

И сидел минуту, просто глядя на сообщение «Материал принят в работу». Где-то там, в недрах типографии, начинали крутиться барабаны, заряжаться краска. Через несколько часов тысячи экземпляров газет с его текстом разлетятся по киоскам. А потом – по кабинетам, по кулуарам, по тем самым местам, где принимались решения о миллиардных контрактах.

Страх никуда не делся. Он был тут, холодным камнем на дне желудка. Но теперь к нему добавилось что-то еще. Ожидание. И странная, почти нелепая мысль: «Интересно, сколько стоит хороший телохранитель в наше время? И что он подумает, увидев меня?»

Он посмотрел на телефон. Контакт «нужных людей» у него еще не было. Но они будут. И тогда ему придется сделать еще один шаг. Уже не в сторону разоблачения, а в сторону соб-

ственного спасения. Парадокс: чтобы докопаться до правды, ему сначала нужно было надежно спрятаться. Или найти того, кто сможет спрятать его так, чтобы он при этом все еще мог копать.

Он взял куртку и пошел к выходу. Лифт спускался медленно. В отражении глянцевых дверей он видел свое лицо – уставшее, напряженное, но с новым, твердым огоньком в глазах. Движение запущено. И первым ходом противника, как и предсказывал Аркадий Львович, будет тишина. Опасная, звенящая тишина перед выстрелом.

Ему оставалось только дождаться ее. И найти того, кто научит его, как от этого выстрела уклониться.

Глава 1

Аэропорт Владикавказа благоухал не самолетами, а чем-то древним и горным, что даже системы кондиционирования не могли перебить. Воздух был густым, сладковатым от пылицы с предгорий и резким от дезинфектанта на полу. Я стояла у выхода из зоны прилета, сливаясь с толпой встречающих. Кожаная куртка, джинсы, рюкзак за плечами – обычная деловая поездка. На вид. Внутри же каждый нерв был натянут струной.

Мой взгляд автоматически сканировал пространство, раскладывая его на зоны. Левая сторона – стойки проката, очередь из трех человек: двое туристов в ярких ветровках и мужчина в темном, слишком легком для этого вечера пальто. Он стоял неподвижно, не читал телефон, просто смотрел в сторону выхода из зоны прилета. Слишком спокоен для встречающего. Правая сторона – кафе «Аэропит» с единственным рядом столиков. За столиком у окна сидел парень в кепке, медленно допивал кофе, но его глаза не следили за взлетной полосой, а метались по залу. Через каждые десять секунд. Метроном.

Неподалеку от меня, у стойки с сувенирами, замерла женщина с ребенком. Ребенок плакал, требуя очередную безделушку, а мать нервно похлопывала его по спине, но сама при этом постоянно оглядывалась, будто ждала кого-то. Или боялась. Это не была тревога из-за капризного малыша. Это был страх другого порядка – липкий, животный.

«Великолепно, – подумала я, делая вид, что сверяюсь с расписанием на телефоне. – Наш маленький горный аэропорт превратился в съемочную площадку для триллера с бюджетом в три копейки. Только актеры подкачали. Все слишком стараются выглядеть естественно, а получается как в школьном спектакле».

Я перевела взгляд на зону выхода пассажиров. Вот и он. Артем Ветров.

Он вышел не сразу, пропустив вперед нескольких человек. Высокий, в темных дорогах джинсах и серой кашемировой толстовке, которая, несмотря на помятость, кричала о цене. На голове – бейсболка, надвинутая на лоб, но не скрывающая характерный профиль. В руке – небольшой кожаный чемодан, не рюкзак, а именно чемодан, как у дипломата из дешевого шпионского фильма. Он огляделся, и в его движении читалась не растерянность приезжего, а натянутая, почти паническая настороженность. Он искал меня. И одновременно сканировал пространство, как заяц на опушке.

Я сделала шаг вперед, поймала его взгляд и подняла руку с условленным знаком – приложила ладонь к уху, как будто поправляю волосы. Он заметил, кивнул едва заметно и двинулся ко мне. Его походка была слишком быстрой, неровной – он почти наступал себе на ноги.

– Евгения? – спросил он, останавливаясь передо мной. Голос старался быть ровным, но в нем проскальзывала хрипотца, будто он долго и молча кричал.

– Артем, – ответила я с деловой, теплой улыбкой ассистента. – Рада вас видеть. Все прошло хорошо?

– Если считать хорошим то, что никто не пытался взорвать самолет, то да. – Он попытался улыбнуться, но получилась гримаса. Его глаза бегали по моему лицу, затем скользнули по моим плечам, за спину, снова в стороны. Зрачки были расширены даже при ярком свете зала. Он сглотнул, и мышцы на его шее напряглись, как тросы. Правая рука, держащая ручку чемодана, сжимала ее так, что костяшки побелели. Когда он перекладывал вес с ноги на ногу, я заметила легкую дрожь в коленях, которую он отчаянно пытался скрыть, напрягая бедра. И самое главное – его дыхание. Неглубокое, частое, грудное. Он дышал как человек, только что пробежавший стометровку, хотя прошел от выхода всего двадцать шагов. Это была не усталость от перелета. Это был страх, сжатый в комок и засунутый куда-то под ребра, который все равно вырывался наружу через каждую пору.

– Отлично, – сказала я, сохраняя легкий тон. – Тогда поедем. Машина ждет.

Я сделала шаг в сторону выхода, но он не двинулся с места. Взгляд его уперся в меня, и в нем вдруг вспыхнула какая-то дерзкая, наигранная искорка.

– Знаете, я не ожидал, что... мой телохранитель будет такой... эффектный, – произнес он, и его голос натужно заиграл полутонами флирта. Он даже попытался наклонить голову набок, но получилось неуклюже, как у подростка, впервые пытающегося копировать героя из фильма.

Я посмотрела ему прямо в глаза, не меняя выражения лица. Моя улыбка не стала шире, не стала холоднее. Она просто застыла.

– Артем, – сказала я мягко, но так, чтобы каждое слово легло, как камень. – Я здесь не для того, чтобы быть эффектной. Я здесь для того, чтобы вы прожили достаточно долго, чтобы закончить свое расследование. Поэтому давайте опустим занавес над этим маленьким спектаклем и сосредоточимся на том, чтобы добраться до квартиры живыми. Договорились?

Он отшатнулся, будто я его ударила. На смену наигранной дерзости пришла растерянность, а за ней – снова тот самый животный страх. Он кивнул, сглотнул еще раз и наконец пошел за мной.

– Да... да, конечно. Простите.

Мы двинулись к выходу, и я снова позволила себе внутреннюю ухмылку. Этот парень был ходячим противоречием. Дорогая мягкая одежда, которая должна была кричать «я выше этого, я в бегах», но на деле лишь привлекала внимание. Поза мнимого спокойствия, под которой бушевала паника. И эта жалкая, неуместная попытка флирта в аэропорту, где, как он должен был понимать, за ним могли следить. Он пытался играть роль крутого журналиста-разоблачителя из какого-нибудь голливудского треша, где герой в перерывах между перестрелками успевает соблазнить всех женщин в радиусе мили. В жизни же все проще и страшнее. Настоящая опасность не дает времени на кокетливые взгляды. Она приходит тихо и бьет точно в цель. А такие, как Артем, даже не успевают понять, куда смотреть.

Мы вышли на улицу. Вечерний воздух был прохладным, пахло выхлопными газами и далекими горами. Рядом с тротуаром стояли несколько такси. Я заранее забронировала машину, водитель должен был держать в руках табличку с фамилией «Орлов». Но мое внимание привлекло другое. Напротив, через дорогу, у стоянки частного транспорта, стоял мужчина. В слишком легком пальто. Он курил не спеша, и его взгляд был направлен на нас.

Я положила руку Артему на локоть, будто направляя его, и тихо сказала:

– Идем не к тому такси. Просто идем. Спокойно. Не оборачивайся.

Он напрягся, но послушно пошел рядом. Мы миновали наш бронированный автомобиль и двинулись вдоль тротуара к зоне отправления. Человек в пальто сделал глубокую затяжку, бросил окурочек и не спеша начал пересекать дорогу, направляясь не прямо к нам, а по диагонали, чтобы пересечь наш путь метров через двадцать.

Это была проверка. Классический прием. Подойти близко, под любым предлогом – спросить время, закурить, – оценить реакцию, рассмотреть лицо, возможно даже спровоцировать. Если цель нервничает, паникует, меняет маршрут, значит, она «горячая» и можно действовать.

Мы шли навстречу друг другу. Расстояние сокращалось. Пятнадцать метров. Десять. Артем дышал все чаще, его локоть под моей рукой стал деревянным.

Человек в пальто поднял голову. Его глаза встретились с моими. Я не отвела взгляд. Наоборот, я посмотрела ему прямо в лицо, но не с вызовом, а с абсолютной, леденящей пустотой. Мой взгляд был как гладь глубокого озера – в нем не было ни страха, ни агрессии, только холодная, безразличная готовность. Я замедлила шаг на полсекунды, позволив моему взгляду скользнуть не по его лицу, а чуть ниже, к области ключицы, как бы изучая не человека, а потенциальную мишень. Моя поза оставалась расслабленной, но каждый мускул был собран. Я не сжала кулаки, не изменила положение рук. Я просто смотрела. И этот взгляд, лишенный

всякой человечности, этот взгляд профессионала, который уже мысленно просчитал три варианта нейтрализации, должен был донести все без слов.

Он понял. На расстоянии пяти метров он вдруг резко свернул в сторону, будто вспомнил что-то срочное, достал телефон и уткнулся в него, ускорив шаг и проходя мимо нас, уже не поднимая головы.

Я не обернулась. Я просто потянула Артема за собой, свернула к первой же свободной машине такси, в которой водитель дремал за рулем. Постучала костяшками пальцев по стеклу. Водитель вздрогнул, опустил стекло.

– Центр, – сказала я, открывая дверь и буквально вталкивая Артема на заднее сиденье. – Быстро, пожалуйста.

Машина тронулась, выезжая на темнеющую дорогу. Артем сидел, прижавшись к дверце, и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Что это было? – прошептал он.

– Ничего, – ответила я, глядя в боковое зеркало. Никто не преследовал нас. Пока. – Просто местный любитель приключений. Расслабься.

Но я не расслаблялась. Я достала свой телефон, сделала вид, что проверяю почту, а на самом деле активировала одно приложение. Оно было простым, как табуретка, – сканер нестандартных сигналов. Что-то вроде металлоискателя, только для цифрового мусора. Я направила телефон в сторону Артема, точнее, в сторону его кармана, где лежал его смартфон.

Экран моего телефона дал едва заметный зеленый всплеск. Один. Потом второй. Это не был сигнал сотовой вышки или Wi-Fi. Это было что-то другое. Короткий, направленный импульс. Как луч фонарика в темноте, который скользнул по нам и исчез.

Я опустила телефон. Артем не заметил, он смотрел в окно, его пальцы барабанили по колену.

«Интересно, – подумала я, глядя на его профиль, озаренный мигающими огнями уличных фонарей. – Он думает, что самое страшное – это человек в пальто. А самое страшное – это то, что только что скользнуло по нему, как тень, и уже знает, где мы. Киллер не стал бы пачкать руки в аэропорту. Он просто включил свою аппаратуру и услышал наш тихий, испуганный писк. Appetit приходит во время еды. Похоже, ужин уже подан».

Машина въехала в освещенный тоннель, и на секунду его лицо отразилось в темном стекле – бледное, потерянное. Моя последняя мысль перед тем, как мы вынырнули снова в ночь, была до абсурда бытовой: «Надеюсь, в его съемной квартире есть нормальный чайник. А то после такого дня мне потребуется литр чего-нибудь горячего и крепкого».

Глава 2

Квартира, которую снял Артем, находилась в кирпичной пятиэтажке где-то на окраине Владикавказа, в районе, который местные, наверное, гордо называли спальным. На деле это была типичная серая коробка времен позднего СССР, с облупившейся штукатуркой и ржавыми балконами, похожими на кривые зубы. Идеальное место, чтобы затеряться. И идеальное место, чтобы быть найденным, – если знать, где искать.

Я попросила таксиста остановиться за углом, за квартал до нужного дома, заплатила наличными и вывела Артема на улицу через дворы. Он шел молча, но его плечи были все так же неестественно подняты к ушам, а взгляд метался по каждому темному окну, каждому проходу между гаражами. Его страх был громким, как сирена, и любой, кто умел слушать, услышал бы его за версту.

– Расслабь спину, – тихо сказала я, когда мы подходили к нужному подъезду. – Ходишь, как робот на батарейках. Чем больше ты напряжен, тем больше выделяешься. Попробуй представить, что просто возвращаешься домой после скучного дня.

Он попытался кивнуть, но получилось еще более судорожно. Я вздохнула про себя. Инструктаж придется начинать с азов. С самых простых вещей, которые люди почему-то забывают в первую очередь: как дышать, как ходить, как просто существовать, не крича на весь мир «я боюсь!».

Квартира оказалась на третьем этаже. Дверь – стандартная железная, с одним замком, который можно было вскрыть консервным ножом, будь он у меня с собой. Артем сунул пальцы в узкую щель под отогнутой наличником дверной коробки, вытащил спрятанный ключ, с третьей попытки попал в замочную скважину и впустил нас внутрь.

Запах затхлости, старых обоев и слабого аромата какого-то дешевого освежителя с оттенком «альпийских лугов» ударил в нос. Прихожая была узкой, темной. За ней – гостиная с низким потолком, обставленная мебелью из дешевой ДСП, застеленная ковром с выцветшим орнаментом. На стене висел ковер-картина с оленями у озера. Окна выходили во двор и на соседний дом в двадцати метрах. Кухня – крошечная, с газовой колонкой, вызывающей легкую панику одним своим видом. Санузел совмещенный. Все как в миллионах таких же квартир по всей стране. Безликое, унылое, абсолютно незапоминающееся пространство.

Именно в этом и была его главная уязвимость.

– Ну что, наш новый дом, – сказала я, бросая рюкзак на потертый диван. – Уютненько. Прямо как в индийском сериале про скромных служащих, только без песен и танцев.

Артем неуверенно улыбнулся, снял куртку и повесил ее на спинку стула. Он делал вид, что осматривается, но на самом деле просто стоял посреди комнаты, не зная, куда деть руки.

Я же уже включила внутренний сканер. Мои глаза медленно скользили по стенам, потолку, плинтусам.

«Настоящая безопасность, – подумала я, подходя к окну, – это не толстая дверь и не решетки на окнах. Это понимание дыр. Тех самых дыр, которые все видят, но на которые все забивают. Вот окно. Старая деревянная рама, разохшаяся. Между створкой и рамой – щель, в которую пролезет не только сквозняк, но и тонкая трубка с газом или миниатюрная камера. Вот розетка в стене. Кто проверял, что за ней? Нет ли там «жучка», встроенного в саму проводку? Вот вентиляционная решетка в санузле. Прямой канал в общую шахту. Оттуда можно слушать, оттуда можно пустить тот же газ. Замок на двери – это просто красивая иллюзия, театральная бутафория для успокоения совести. Настоящая работа начинается там, где заканчивается взгляд обычного человека. И заключается она в том, чтобы превратить каждую такую дыру из угрозы в ловушку для того, кто попытается ею воспользоваться».

Я потянула за шнурок, чтобы открыть штору. Шторка со скрипом съехала в сторону, и в комнату хлынул вечерний свет, пыльный и холодный.

– Первое правило, – сказала я, стоя в тени за простенком и не оборачиваясь к нему. – Никогда не стой на фоне окна. Особенно с включенным светом. Ты превращаешься в идеальную мишень для любого, кто будет в том доме напротив. Иди туда, вглубь комнаты.

Он послушно отшагнул от окна.

– Второе. Никогда не вешай куртку на спинку стула. Висит одинокая куртка в пустой квартире – значит, хозяин где-то тут, но не на виду. Прямой наводкой для грабителя или того хуже. Убери ее в шкаф.

Он покраснел, снял куртку и засунул ее в платяной шкаф с зеркальными дверцами, которые тут же стали новой головной болью. Зеркала отражали все помещение, включать свет при них было бы самоубийством.

Я вытащила из рюкзака первую «игрушку». Небольшой черный приборчик размером со старую «Нокиа», с маленьким экранчиком и выдвижной антенной. «Сфера-3М» – портативный анализатор спектра. В народе его называют «жучкоискатель», но это как называть хирурга «резатель». Прибор не просто ищет передатчики, он слушает эфир, выискивая аномалии – сигналы, которых там быть не должно. Как собака, которая чует чужого не по запаху самого человека, а по запаху чужого шампуня.

– Что это? – спросил Артем, с интересом глядя на прибор.

– Это наше ухо, – сказала я, включая его. Экран засветился синим. – Он слушает, не слушает ли кто-то нас. Представь, что мы в большой комнате, полной людей, которые все говорят одновременно. Этот парень умеет вычленивать один-единственный голосок, который шепчет: «А они тут, ребята, заходите».

Я начала медленный обход комнаты, водя прибором вдоль стен, возле розеток, подоконников, картин. Экран показывал ровную зеленую линию – фоновая радиосвистопляска города. Никаких пиков. Я двинулась в спальню, потом в санузел. Возле вентиляционной решетки линия дрогнула, но тут же успокоилась – наверху кто-то включил вытяжку.

Пока я работала, Артем устроился на диване и достал телефон. Его пальцы быстро забегали по экрану. Он читал новости, соцсети, проверял что-то. Его поза говорила: «Я занят, отстаньте». Но уголок его глаза подергивался и он слишком часто поглядывал на меня, а потом резко отводил взгляд.

«Он не просто проверяет ленту, – констатировала я про себя, присаживаясь на корточки, чтобы проверить розетку за тумбочкой. – Он ищет подтверждение своей значимости. Смотрит, не написали ли о его статье, не лайкнули ли его последний пост. Ему страшно, и этот страх он глушит самым простым способом – погружением в цифровой шум. Он демонстративно показывает, что все эти мои штучки с приборами – ерунда, что настоящая жизнь там, в экране. Беспечность, прикрытая высокомерием. Самый опасный коктейль. Он думает, что угроза – это человек с пистолетом. А угроза – это он сам. Его нежелание признать, что правила игры изменились. Что теперь его жизнь зависит не от остроты пера, а от того, насколько хорошо он спрячет свой айфон и запомнит, с какой стороны у револьвера дуло».

– Артем, – сказала я, не поднимая головы. – Выключи телефон. Положи его на стол, экраном вниз.

– Я всего лишь...

– Выключи. Сейчас. Каждая активная электроника – это маячок. Даже в авиарежиме. Пока я не скажу иначе, твой телефон – кусок пластика и стекла. Понял?

Он замер, потом с глубоким, театральным вздохом нажал кнопку и положил черный прямоугольник на стеклянную столешницу журнального столика. Звук был громким в тишине квартиры.

Следующий этап – тепловизор. У меня был миниатюрный, встроенный в чехол для телефона. Выглядел как обычный толстый черный чехол, только с крошечной линзой в углу. Я подключила его к своему смартфону, и на экране появилось изображение комнаты в термальных цветах. Холодные стены – синие и фиолетовые, теплые предметы – желтые и красные.

Я медленно провела камерой по стенам. Искала аномалии – пятна тепла там, где их быть не должно. Электроника, даже спящая, дает небольшой нагрев. Батарейка в «жучке», процессор в скрытой камере. Все было чисто. Пока.

Затем я достала небольшой набор – отмычки, щупы, тонкую гибкую камеру на проводе. Отмычки были не театральные, изогнутые, а простые, прямые, как два гвоздя. Самые эффективные редко бывают красивыми.

– А это что? – Артем не выдержал.

– Ключи от соседних квартир, на случай если нам понадобится срочно сменить локацию, – солгала я с ровным лицом. Ему не нужно было знать все подробности. Чем меньше он знает, тем меньше сможет выдать под давлением.

Я проверила слаботочку – провода телефона, интернета (их не было), кабель антенны. Все пусто. Потом приступила к установке своего оборудования.

Датчики разбития стекла – крошечные, на липучках, крепятся в угол окна. Датчики движения – замаскированные под обычные пластиковые заглушки для мебели, расставленные так, чтобы покрывать все подходы к окнам и двери. Вибрационный датчик на саму входную дверь – реагирует не на открывание, а на попытку грубого взлома. Все это подключалось к маленькому центральному блоку, который я спрятала в нише за отслоившимися обоями, а от блока сигнал шел на мой планшет и на вибробраслет на моей руке.

Работа заняла около двух часов. Артем за это время прошелся по квартире раз десять, постоял у окна (я его прогнала), попытался снова включить телефон (я забрала его и положила в микроволновку – не для того, чтобы включить, а потому, что металлический корпус клетки Фарадея глушит любые сигналы).

– Ладно, – сказала я, наконец выпрямляясь и стирая пот со лба. – Базовая сеть стоит. Теперь самое важное. Садись.

Он сел на диван, смотря на меня, как школьник на строгую учительницу.

«Он ждет инструкций по героизму, – поняла я, глядя на его напряженное лицо. – Как в фильмах: «При стрельбе падай на пол и ползи ко мне!» или «Бери этот пистолет и стреляй в того, кто ворвется!» Но мой долг – не сделать из него бойца. Мой долг – сделать из него максимально бесполезную, неинтересную цель. Мое задание – не дать ему умереть героем. Мое задание – дать ему возможность дожить до того момента, когда он сядет за компьютер и напишет свою следующую разгромную статью. А для этого ему нужно превратиться в слизняка. В тихую, незаметную, быстро исчезающую тень. И заставить такого самоуверенного человека, как он, на это согласиться – задача посложнее, чем обезвредить снайпера».

– Слушай внимательно, Артем. Забудь все, что видел в кино. Если здесь что-то случится – попытка взлома, выстрел, взрыв, что угодно, – у тебя есть один-единственный протокол. Он называется «Мертвая рыба».

Он моргнул.

– Что?

– «Мертвая рыба». Ты падаешь на пол. На живот. Руки за голову. И лежишь. Не двигаешься. Не кричишь. Не пытаешься помочь. Не пытаешься убежать. Ты – труп. Ты – мешок с костями, который никому не интересен. Потому что все, кто будет сюда входить, будут искать живого, испуганного, дергающегося Артема Ветрова. А его не будет. Будет только тишина и неподвижная тушка на полу. Пока я не скажу тебе встать. Даже если рядом будет грохотать, даже если ты услышишь крики. Ты – мертвая рыба. Повтори.

Он сглотнул. Его лицо выражало полное непонимание и протест.

– Но... а если нападают на тебя? Я же должен...

– Ты должен лежать. Моя работа – разбираться с тем, кто нападает. Твоя работа – не мешать мне это делать. Ты для меня – груз. Очень ценный, но груз. И груз должен быть максимально пассивным. Понял? Повтори протокол.

– Падаю на пол. На живот. Руки за голову. Лежу. Не двигаюсь. – Он выдавил из себя, словно слова были отравлены.

– Отлично. Запомнил. Нарушишь – шансов выжить у нас не будет. Это не про героизм. Это про выживание.

Я отошла от него, давая ему переварить. Потом достала свой защищенный спутниковый телефон – черную коробочку с толстой антенной. Вышла на крошечный балкон, заваленный хламом предыдущих жильцов, и набрала номер Виктора Соболева.

Связь установилась с легким шипением.

– Объект на месте, – сказала я, не называя имен. – Гнездо оборудовано по минималке. Нужна приманка.

– Понимаю. – Голос Соболева был ровным, без эмоций. – Будет предоставлена в течение суток. Старый «Форд», синий. Ключи под левым колесом. Тревожный маячок активен.

– Есть наблюдение за периметром?

– Пока только пассивное. Ведем анализ камер городского наблюдения в радиусе километра. Пока чисто. Но это ничего не значит.

– Знаю. – Я посмотрела на темнеющий двор. В одном из окон напротив зажгли свет. Обычная жизнь. – Ждем. На связи.

Я отключилась. Разговор занял меньше минуты. Вся необходимая информация была передана. Ничего лишнего.

Вернувшись в комнату, я увидела, что Артем все так же сидит на диване, уставившись в стену. Он выглядел опустошенным.

На кухне я нашла старую электроплитку и чайник. Достала из рюкзака свои припасы: банку растворимого кофе, пачку галет, маленькую баночку абрикосового джема. Поставила чайник.

«Вода закипает, – думала я, наблюдая, как на поверхности появляются первые пузырьки. – Кофе растворится. Галета покроется тонким слоем джема». Это ритуал. Контрольная точка. В хаосе и неопределенности ты создаешь маленький островок предсказуемости. Ты контролируешь кипение воды, толщину слоя джема, температуру напитка. Это не просто еда. Это утверждение: «Я здесь. Я в сознании. Я управляю тем, чем могу управлять». Потому что ночь будет долгой, а за окном – темнота, в которой может оказаться кто угодно. И перед тем как погрузиться в эту темноту, нужно создать точку отсчета. Якорь. Им станет этот горький кофе и сладкий джем на сухом пресном печенье. Баланс. Как и все в этой работе.

Я сделала два тоста, один отнесла Артему. Он взял его машинально, даже не глядя.

– Ешь, – сказала я. – Силы понадобятся.

Сама села на стул у стены, откуда был виден и вход, и окно, и дверь в спальню. Ела медленно, смакуя каждый кусочек. Кофе был обжигающим и горьким. Идеально.

После еды я взяла свою сумку, достала из нее рюкзак и принялась наполнять его пятью разными комплектами одежды для каждого из нас на всякий случай. Рюкзак поставила около входа.

Наступила ночь. Я выключила в комнате свет, оставив только тусклый ночник в прихожей. Артем после долгих уговоров ушел в спальню. Я сказала ему спать. Сама же заняла позицию.

Я передвинула кресло в угол, откуда я не была видна с улицы, но сама контролировала пространство. Достала свой револьвер – не блестящий ковбойский, а утилитарный, матово-

черный, крупнокалиберный. Проверила барабан, убедившись, что все шесть камер заряжены. Положила его на колено, сверху набросив темный платок.

Тишина, думала я, прислушиваясь к ночным звукам дома. Где-то капает вода. Гремит лифт. За стеной кто-то смотрит телевизор. Обычные звуки обычной жизни. А я сижу здесь, с оружием на коленях, и жду. Но это не ожидание охотника, каким его показывают в кино. Не драматичная поза в темноте с горящим взглядом. Это монотонная, скучная работа. Как работа машиниста или диспетчера. Ты сидишь, ты слушаешь, ты смотришь на экраны датчиков (мой планшет лежал рядом, на нем мигали зеленые огоньки – все спокойно). Ты не ждешь выстрела. Ты просто обеспечишь условия, при которых он станет максимально невыгоден для того, кто его совершит. Квартира теперь – не убежище, а укрепленная позиция. Мы знаем ее слабые места. Мы превратили их в мины замедленного действия для чужака. Наше преимущество – не в толщине стен, а в информации. Мы знаем, где что лежит, как что скрипит, куда ведет каждая щель. А он, если придет, будет действовать вслепую. И эта слепота – наше главное оружие.

Часы пробили полночь. На плане квартиры на планшете все датчики горели зеленым. Тишина.

И тогда я увидела его. Не на экране. Глазами.

На оконной раме, с внутренней стороны, в том самом углу, где я крепила датчик разбития стекла, был едва заметный след. Не пыль, не грязь. След от клея. Свежий. Липкий, полупрозрачный, в виде маленького ровного прямоугольника. Такого размера, чтобы можно было закрепить миниатюрный передатчик или микрофон.

Мой датчик висел прямо над ним. Я установила его, не заметив этого следа, потому что смотрела на стекло, на возможные точки удара, а не на саму раму.

Холодная игла пронзила меня от затылка до копчика.

Я не шелохнулась. Не стала тут же осматривать раму. Не подошла к окну.

Я просто сидела, глядя на этот бледный прямоугольник на темном дереве.

Квартира уже была «обработана». До нашего приезда. Кто-то уже побывал здесь. И, возможно, не просто осмотрел. А оставил подарок. И моя «Сфера-3М» его не обнаружила. Потому что он мог быть неактивен. Или использовать частоту, на которую мой сканер не был настроен. Или быть встроенным в саму конструкцию.

«Чистка» не была полной. Мы были не первыми.

И теперь этот невидимый «кто-то» знал, что мы здесь. И, возможно, слышал каждое наше слово. Каждую инструкцию. Каждый протокол.

Я медленно перевела взгляд с окна на дверь в спальню, за которой спал ничего не подозревающий Артем. Тишина в квартире вдруг стала иной. Не защитной, а угрожающей. Не нашей, а чужой.

И последняя мысль перед тем, как я начала медленно, без единого звука, подниматься с кресла, чтобы проверить раму вплотную, была до смешного простой и оттого еще более леденящей: «Интересно, у этого клея есть срок высыхания? И успел ли он высохнуть до того, как мы вошли?»

Глава 3

Утро начиналось с тишины, густой и хрустальной, какой она бывает только в предрассветные часы. Я сидела все в том же кресле, но оружие уже лежало не на коленях, а в кобуре на поясе, под легкой стеганой курткой, расстегнутой на одну молнию. Всю ночь я не сомкнула глаз, следя за планшетом и слушая тишину квартиры, которая больше не казалась безопасной. След на оконной раме я проверила сразу после полуночи – под ним была чистая, нетронутая древесина. Значит, «подарок» сняли до нашего приезда. Или он был настолько микроскопическим, что его не разглядеть. И то и другое было плохой новостью.

Артем вышел из спальни в семь утра, помятый, с красными от недосыпа глазами, но уже с привычной наигранной бодростью в движениях. Он прошел на кухню, включил свет – я не успела его остановить – и начал греметь чайником.

– Спокойной ночи не было? – спросил он, бросая в мою сторону взгляд, в котором читалось что-то между сочувствием и снисхождением.

– Ночью работают только сторожа и дураки, – ответила я, вставая и разминая затекшую спину. – Я была сторожем. Ты был дураком, потому что спал с открытой дверью. Закрой ее, когда будешь возвращаться.

Он замер с чайником в руке, его брови поползли вверх.

– Это что, шутка?

– Это первое правило сегодняшнего дня, – сказала я, подходя к столу. На мне были простые черные тактические брюки из немнущейся ткани, темно-серая водолазка и та самая куртка. Ничего лишнего, никаких украшений, никаких ярких деталей. Одежда должна была сливаться с окружающей средой, не привлекать взгляд, не запоминаться. Как униформа уборщицы или курьера – ее видят, но не замечают. Револьвер в кобуре под мышкой ощущался привычной, почти невесомой тяжестью. Не оружие, а инструмент. Как молоток у плотника.

«Он смотрит на меня и видит женщину, – думала я, наблюдая, как он медленно ставит чайник на конфорку. – Молодую, может быть, даже привлекательную в своем роде. И это его первая и самая большая ошибка. Он не видит телохранителя. Он видит «девушку с пистолетом», персонажа из плохого боевика. Он не понимает, что я здесь не для того, чтобы нравиться ему, утешать его или быть его подругой. Я – инструмент. Сложный, дорогой, высокотехнологичный инструмент для одной цели: чтобы он продолжал дышать. Вся моя внешность, весь мой настрой, каждая деталь одежды подчинены этой задаче. Никаких личных симпатий, никаких эмоций, кроме холодной, расчетливой целесообразности. Я не нянька, не психолог, не любовница. Я – живой щит с мозгом и правом на превентивный удар. И если он этого не усвоит с самого утра, то до вечера мы можем не дожить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.